

Масштаб
Майер

ОТЕЦ ЛУЧШЕЙ ПОДРУГИ

18+

Запретные отношения

Жасмин Майер

Отец лучшей подруги

«Автор»

2023

Майер Ж.

Отец лучшей подруги / Ж. Майер — «Автор»,
2023 — (Запретные отношения)

Сердце Леи Розенберг всегда было отдано Платону Дмитриеву, отцу ее лучшей подруги. Шесть лет Лея провела вдали от Дмитриевых, надеясь, что чувства угаснут, но даром. Она возвращается в Петербург, чтобы поставить точку в наваждении, как вдруг оказывается, что Платон Дмитриев совершенно не помнит, как выглядит подруга его дочери, которую он обещал встретить в аэропорту. Как быть? Признаться Платону, кто она, или промолчать и отдаться долгожданному искушению?... После смерти жены Платон Дмитриев посвятил свою жизнь дочери. Теперь она выросла и вышла замуж, а любимой женщины у Платона как не было, так и нет. Заметив в аэропорту красавицу-незнакомку, которая и сама с него глаз не сводит, Платон предлагает ей провести ночь без обязательств. Он уверен, что больше никогда ее не увидит, но незнакомка, которую он так жарко целовал в номере отеля, вдруг появляется на пороге его квартиры, да еще и оказывается той самой подругой его дочери, которую он должен был встретить в аэропорту...

© Майер Ж., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Встреча в аэропорту	5
Глава 2. Незнакомка	10
Глава 3. Предложение	14
Глава 4. Лея	17
Глава 5. Застолье	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Жасмин Майер

Отец лучшей подруги

Глава 1. Встреча в аэропорту

– Привет, пап! Занят?

Придерживая телефон плечом, въезжаю во двор недостроенного двухэтажного дома. Паркуюсь возле другой машины, хозяйка которой приветствует меня вежливой улыбкой. Я ей тоже улыбаюсь, хотя совсем не рад этой встрече.

Из трубки доносится детский залихватский смех и слова Кости: «А где Егорка?».

Вопреки моим ожиданиям, из Кости получился отличный отец. Хотя парню всего двадцать. Впрочем, мне было на год меньше, когда после смерти жены я остался один с новорожденной дочкой на руках.

– Пап, я тебя отвлекаю? – напоминает о себе Юля.

– Скоро освобожусь, что такое?

Я рад, что она все еще обращается за помощью ко мне. Ведь она уже даже мою фамилию не носит. Но если ей что-то от меня нужно, я по-прежнему готов в лепешку расшибиться, чтобы достать ей это.

– Помнишь, я говорила тебе, что сегодня прилетает Лея? Розенберг обещал встретить сестру с мамой, но его прямо с репетиции увезли на «Скорой» с сильным растяжением.

– Так ему и надо, – напевает добрым голосом Костя.

– Костя! – шикает на него Юля. – Пап, в общем, можешь поехать в аэропорт? Самолет из Израиля уже приземлился, но Лее с мамой еще надо пройти таможенный контроль... Я предупрежу их, так что, думаю, они подождут, если только ты не очень занят.

– Без проблем, заеду, как освобожусь.

– Ты помнишь, как выглядит Лея? Она так изменилась, пап!

Перед внутренним взором всплывает угловатая девчушка с непослушной копной темных волос, очками в массивной оправе и брекетами на зубах. Прошло не так много времени с нашей последней встречи, как-нибудь узнаю.

– Не переживай, я их встречу.

– Спасибо, пап! Ты лучший!

Сначала улыбаюсь в ответ, но потом улыбка меркнет. Взгляд падает на эскиз новой Юлиной комнаты, брошенный на соседнее кресло. Сейчас не самое подходящее время, чтобы рассказывать ей об этом, верно?

– Пока Юль.

Откладываю телефон в сторону, и этот жест не остается без внимания. Виолетта машет рукой в розовой перчатке и спрашивает так громко, чтобы я услышал ее даже в запертой машине:

– Вы привезли подписанный эскиз, Платон Сергеевич?

Напускаю на себя рассеянный вид и тянусь к бардачку. Стоит его открыть, и оттуда высыпается лавина одинаковых документов, скрепленных розовым зажимом. Захлопываю бардачок и выхожу из машины.

При виде моих пустых рук улыбка на блестящих розовых губах Виолетты меркнет.

– Ваша дочь утвердила дизайн? – вкрадчиво интересуется она. – Вы показывали ей макет? Что она сказала?

Раздраженно дергаю плечом.

– Вы же знаете, как сложно бывает с этими детьми... Сегодня они хотят одно, завтра – другое.

А уж до чего сложно с дочерью, у которой есть собственный ребенок и собственная семья! Юля вдруг стала считать себя взрослой женщиной, которая вправе решать, как ей жить дальше! С ней стало так сложно, что я просто не представляю, как теперь к ней подступиться.

А еще врачи объявили, что ей нельзя нервничать, чтобы молоко не пропало. А нервничать она обязательно будет, когда узнает, что скоро мы переедем из городской квартиры в загородный дом.

У моей дочери было все самое лучшее, когда она росла, и то же самое я сделаю для своего внука. Мой внук должен расти и дышать чистым воздухом, играть на природе, а не в загазованном сквере с чахлыми соснами, куда его водит Костя. Я был в ужасе от грязных поломанных горок, с которых дети падают прямо на голый асфальт! Этот переезд лучшее, что я могу сделать для нашей семьи.

Юля меня обязательно поймет.

Но может не сразу.

– Виолетта, еще мне нужны горка и качели во дворе. Никакого пластика и ярких кислотных цветов. Все самое лучшее и натуральное.

Виолетта смотрит на меня недоумевающими взглядом.

– Для вашей дочери?

– Разумеется, нет! Ей уже девятнадцать. Но я строю этот дом не на один день, а с прицелом на будущее.

– Конечно! – подхватывает Виолетта. – Какие ваши годы! Еще детишек заведете.

Стискиваю челюсть так, что начинает ломить в висках. Других детей, кроме Юли, у меня не будет. А вот внуки – другое дело.

– Пришлю вам варианты детских комплексов на почту, – продолжает она, делая пометку у себя в блокноте. – Платон Сергеевич, не затягивайте с подписью. Это чистая формальность и бюрократия, но... Мне нужен утвержденный эскиз, чтобы мастера приступили к сборке мебели.

– Будет у вас подпись.

Беру у Виолетты еще один эскиз, скрепленный розовым зажимом. Дизайн все тот же – комната в светло-розовых тонах с таким же розовым балдахином над кроватью и звездным небом на потолке. По-моему, идеальная девичья комната. Что тут может не понравиться?

– Особенно дочери понравился балдахин, – зачем-то говорю я и быстро возвращаюсь в машину.

Бросаю последний взгляд на два возведенных этажа. Денег я не жалею, стройка идет бодро. Еще несколько месяцев и можно въезжать. Глядишь, и Новый год можно встретить на новом месте.

– Еще нужна ель! – отпускаю окно и кричу остолбеневшей дизайнерше. – Разлапистая, высокая, достаньте мне взрослое красивое дерево. Выберите для нее такое место, чтобы зимой, когда мы украсим ее гирляндами, видно было в каждой комнате!

Я плачу ей достаточно, чтобы она терпела любые мои заскоки.

– Я поняла, Платон Сергеевич, – кивает она. – Вы главное, подпись дочери привезите.

– Прямо сейчас и попрошу подписать, прощайте!...

Выворачиваю на шоссе и перестраиваюсь на дорогу к аэропорту. Приезд лучшей подруги должен значительно улучшить настроение моей дочери. Лучшего времени, чтобы рассказать о доме, не найти.

Может быть, я даже смогу взять Лею в свои союзники. Лея и до этого не раз помогала мне, когда дело касалось упрямого характера Юли. Она удивительным образом сумела найти к ней подход, так что моя упрямая и несговорчивая дочь во всем ее слушалась. По крайней мере, раньше.

Ко времени, когда я добираюсь до аэропорта, пассажиры израильского рейса, должно быть, уже прошли все мыслимые и немыслимые проверки, так что ждать их не придется. Припарковавшись, выхожу и сразу направляюсь к залу прибытия. Народу много, так что внимательно оглядываю толпу. Вдруг увижу Сару Львовну или ее дочь?

Но вместо этого натыкаюсь на острый взгляд черных, как ночь, глаз.

Черноволосая девушка лет двадцати пяти смотрит на меня в упор, и от одного ее взгляда меня окатывает жаром. Я даже оглядываюсь, чтобы проверить – вдруг этот полный страсти и желания взгляд предназначается не мне?

Но ошибки нет, позади меня нет мужчины, который смотрел бы на нее в ответ так же.

Она смотрит *на меня*.

Сколько у меня уже не было секса?

К сожалению, хороший, жесткий, страстный и честный секс в моей жизни бывает так же редко, как солнечные дни в Питере.

Часть напряжения я сбрасываю в спортклубе, благо он находится прямо в цокольном этаже дома. Даже личный тренер есть, Родион, он же «Зови меня Радик, Платоша». В сердце Радика, несмотря на сто восемьдесят килограмм живого веса и внешность сурового викинга, тлеет парадоксальная любовь к уменьшительно-ласкательным.

Радик и помогал мне качественно «убиться» сначала три раза в неделю, потом четыре, а потом и пять.

Но когда дело дошло до двух тренировок в день, Радик был краток:

– Бабу себе найди, Платоша.

Легко сказать.

Свободного времени было не так много и все, что не отнимали работа и тренировки, я отводил семье.

И как же меня выбешивает вся эта обязательная романтическая чушь!... Болтовня ни о чем, лживые комплименты, обязательные поцелуи и объятия. Гори в аду правило о третьем свидании!

Да, мне нужна любовница. Но после Оксаны¹ я так и не встретил подходящую...

Я четко знаю, на каких женщин западаю. Как раз на тех, которые не отводят взгляда – ни случайного, во время первого знакомства. Ни после, когда я нависаю над ней, а она стоит передо мной на коленях. Стеснение – это не ко мне.

И черноглазая смотрит именно так.

Не каждая способна удовлетворить мои аппетиты, вот почему, прежде всего я подмечаю, какой у женщины взгляд. У каждой я ищу знакомый и такой родной голод в глазах, который я один могу удовлетворить.

И сейчас, в черной бездне, обрамленной густыми ресницами, плещется голод даже сильнее моего собственного. Будь я проклят, если манящий взгляд можно толковать как-то иначе.

Я редко ошибаюсь и не могу так просто упустить эту черноглазую чертовку. Поэтому без колебаний разрезаю толпу, идущую мне наперерез, и направляюсь прямо к ней.

Когда я останавливаюсь перед ней, она широко улыбается, а в глазах вспыхивают искры. Она рада. Не тушует и даже не отводит взгляда.

– Привет, – выдыхает, заправляя короткую прядь за ухо.

Если это не флирт, значит, мне пора бронировать место на кладбище.

¹ События романа «Сводные», в котором у Платона был роман с матерью Кости.

На ней обтягивающие синие джинсы, красный мягкий свитер, под которым угадывается высокая грудь. Скромный выбор одежды только добавляет очков в моих глазах. Разврату и похоти лучше предаваться в постели, а не демонстрировать его прямо на улице глубокими декольте и короткими юбками.

Она достаточно взрослая, чтобы делать то, от чего у меня моментально вскипает в венах кровь. Но она все-таки значительно моложе тех женщин, которых я обычно выбираю. Но сейчас у меня слишком долго никого не было, а еще... Я очень давно не видел таких черных, обещающих мне рай на земле, глаз.

На всякий случай быстро перебираю в уме всех Юлиных подружек с балетного класса, но комплекция у незнакомки явно не балетная. Во мне метр девяносто, а девчонка даже в кроссовках ненамного ниже. С ее ростом в балет не берут, да и по возрасту она старше ровесниц моей дочери.

– Привет, – отвечаю. – Ждешь кого-то?

Это все-таки аэропорт. Ее могут ждать или она может встречать кого-то. А мне нужно сразу обозначить свои планы, потому что я не привык ходить вокруг да около. В этой игре я – охотник, а она – моя цель.

От моего вопроса ее глаза удивленно распахиваются. Она моргает, а потом делает короткий вдох и на выдохе улыбается, обнажая ровные белые зубы.

– Тебя?... Похоже, я ждала тебя.

Она сделала свой выбор, хотя и колебалась. Или ее удивил мой напор. Или что-то еще взволновало ее так, что ее грудь до сих пор часто вздымается.

Она снова поправляет глянцевою, блестящую прядку за уши. Ровная линия каре выгодно подчеркивает длинную шею, но волосы у нее слишком короткие, так что прядь снова выскальзывает, не продержавшись за ухом и минуты.

А вот и моя любимая часть охоты, которая обязательно приведет нас туда, где нам обоим будет хорошо. И чем быстрее это случится, тем лучше.

Я не привык расшаркиваться. Мне тридцать восемь, и если она готова играть со взрослыми мужчинами, то должна понимать правила игры.

– Здесь неподалеку есть отель. Мы могли бы уединиться и продолжить наше знакомство там, если ты не против?

По загорелому лицу пробегает тень смутения, а щеки вспыхивают румянцем. Самое время залепить мне пощечину, обозвать нахалом или просто убежать, если ты – все-таки скромница, а взгляд чертовки предназначался не мне.

– Вы хотите...

– Ты, – поправляю ее. – Нечего мне выкать.

Она рассеянно кивает и облизывает пересохшие губы.

– Ты хочешь отвезти меня в отель?... – непонимающе переспрашивает.

В сердцах закатываю глаза. Вот почему с женщинами около тридцати в разы легче. Они уже знакомы с правилами, а страстные девчушки вроде этой, хоть и выросли, но все еще стесняются дать волю своим желаниям.

– Все верно. Ты слишком хороша для быстрого секса в машине на подземной парковке. Если я ошибся и тебе не нужен секс, то прости. Можем разойтись прямо сейчас, но мне показалось, что ты тоже меня хочешь. Знаешь, вряд ли мы когда-нибудь еще встретимся. А я не привык упускать таких женщин.

Широко улыбается, глядя куда-то вдаль, но молчит. Только отводит за ухо свои короткие волосы, обнажая длинную шею, в которую очень хочется вонзиться зубами, но нужно немного подождать.

Я уже раскрыл свои карты, она свои – еще нет.

– Не пожалеешь потом? – вдруг спрашивает, глядя на меня в упор.

Меня окатывает таким сокрушающим вожделением в ее черных бездонных глазах, что я готов нарушить свое слово и взять ее прямо сейчас на парковке, а потом еще раз в отеле.

В таком состоянии я точно не готов думать о том, что будет после. Сначала я хочу увидеть ее голой.

– Если и буду жалеть, то только о том, как бездарно мы тратим свободное время, которого у меня и так мало. Так что скажешь?

Улыбается, и я впервые слышу ее смех. Тихий, счастливый, искренний. Совсем не похожий на тот, когда женщина готова смеяться даже над самой плохой шуткой, лишь бы я оплатил ее коктейли.

Потом кивает.

Быстро, едва заметно. Я бы не увидел, если бы не смотрел на нее бесцеремонно, раздевая одним только взглядом. Но кивка мне мало.

– Ты должна озвучить свое согласие.

– Я хочу тебя, – выдыхает она. – Поехали.

Глава 2. Незнакомка

– Только сначала мне нужно забрать свою куртку, – Девушка натягивает рукава красного свитера, пряча в них озябшие пальцы. – Подождешь?

До меня впервые доходит, что она и вправду полураздета. Будто выбежала из здания аэропорта, чтобы встретить кого-то на улице.

Но не меня же она тут ждала? А кого тогда?

Впрочем, не мое дело. Я поймал ее первым.

– Я буду тут, иди, – киваю ей.

Она бросает последний недоверчивый взгляд, будто это я скорее сбегу, а не она, и возвращается в аэропорт. Хмыкаю. Скорее девчонка может не вернуться, чем я передумаю ехать в отель. Будет жаль, конечно, если она передумает, но с этим ничего не попишешь. Я не нуждаю к сексу.

А пока надо уладить собственные дела.

Достаю телефон и набираю один из последних вызовов. Сразу же, как прекращаются гудки в трубке, произношу:

– Не произноси моего имени вслух, Костя. Особенно, если Юля рядом.

– Кхм... – откашливается Костя. – Так... И что вам надо?

Реакция у него хорошая, хотя и не во всем. Сына же он ей сделал.

– Мне нужно, чтобы ты взял ключи от «форда» и приехал в аэропорт. Забрал Лею и ее мать.

– Что?! Но вы же обещали...

– Планы изменились, – отрезаю. – И вообще я не должен отчитываться перед тобой.

В трубке раздается шорох, и я отодвигаю телефон от уха. Костя, похоже, прижимает телефон к груди и куда-то выбегает.

На смену бесконечной песне о «Синем тракторе» приходит тишина.

– А что я скажу Юле? – шипит он.

– Придумай что-нибудь.

– Вы же знаете, что я ей не вру!

Поразительно стойкий малый. Когда-то заврался настолько, что дал себе слово никогда не врать моей дочери, и теперь никогда не забывает об этом.

– Я и не прошу тебя врать Юле! Я прошу тебя ничего ей не говорить! Это разные вещи, Костя. Просто, скажи ей, что у меня... Спустило колесо, а я без запаски.

– А у вас правда спустило колесо? – осторожно уточняет Костя.

– Не твое дело, Костя! Это не ложь, ты просто повторишь ей мои слова, понял? А теперь быстро бери машину и выезжай прямо сейчас. Знаешь, как выглядит Лея? Юля наверняка показывала тебе ее фотки?

– Ага. Я видел все ее свежие фотки в фэйсбуке и не один раз, – отзывается Костя с тяжелым вздохом. – Надеюсь, эта ложь того стоит, Платон.

В этот момент вижу, как моя черноглазая незнакомка выбегает в спортивной куртке, с рюкзаком через плечо и с прищуром оглядывает толпу. Теперь она точно ищет именно меня.

Отвечаю на ее раскаленный взгляд, под которым едва не плавлюсь, как асфальт в полдень.

Я тоже надеюсь, что она того стоит, Костя. Я тоже.

Быстро прощаюсь, убираю телефон и взглядом приказываю следовать за мной. Сажусь в машину первым и, перегнувшись, распахиваю для нее пассажирскую дверь.

Она садится, стискивая лямки рюкзака, и не смотрит на меня. Только вперед, на дорогу.

В воздухе повисает напряжение.

– Как тебя зовут?

Трясет головой.

– Никаких имен.

Усмехаюсь.

– В кино такое видела? Глупо. А если я маньяк, и тебя потом в живых никто не увидит?

– Будет вам заливать. Даже киношные маньяки не такие тупые и всегда пользуются фальшивыми именами и документами.

– Не выкай, – напоминаю. – Фетиша на нимфеток у меня нет.

Выдыхает через стиснутые зубы и сильнее сжимает лямки рюкзака. От былой смелости не осталось и следа. Наверняка нервничает. По ней не скажешь, что она бросается на шею каждому сорокалетнему мужику.

Указываю на серую пятнадцатизэтажку, тонушую в смоге и тумане за горизонтом. Не знаю, чья была идея построить отель в десяти минутах от аэропорта, но надеюсь, этому человеку выписали премию.

– Отель там. Тебе ведь есть восемнадцать?

– Мне скоро двадцать пять. И я давно не девственница.

– Рад за тебя.

Что ж, характер у нее не сахар. А настроение, похоже, скачет только так. Но это не моя женщина, а значит, и ее настроение тоже не моя проблема.

Номер на ключ запирать не буду и к кровати привязывать тоже пока не буду. Захочет – сбежит. Возможность будет.

До отеля едем молча. К рецепции я подхожу один, и за хорошую купюру сверху скукающий портье моментально становится услужливее и без лишних вопросов протягивает карту-ключ.

В лифте она все так же цепляется за лямки своего рюкзака, но потом вдруг сбрасывает с себя куртку, и в отражении в зеркале вижу, как сильно горит ее лицо и как часто вздымается грудь.

Нервы? Ломка? Биополярка? Где та голодная чертовка, которая одним взглядом меня чуть ли не съела?

К номеру идем молча, но стоит открыть дверь и впустить ее первой, как она швыряет в сторону куртку, рюкзак и раньше, чем я успеваю захлопнуть дверь, стягивает через голову красный свитер.

– Больше никаких тупых вопросов, хорошо? – выдыхает. – Иначе я передумаю.

При виде черного кружева и хорошей крепкой троечки рот сам наполняется слюной.

Вжимается в мою грудь своей и целует.

Сдержанно, аккуратно.

Как дедушку.

– Хорошая попытка, но командовать здесь буду я.

Подхватив ее под бедра, вжимаю в стену и раскрываю рот языком. Она охает и подается вперед, изгибаясь и подчиняясь. Распалается с каждой секундой.

Вот то самое пламя, которое она загнала куда-то вглубь из-за стеснения или черт знает чего еще. Наконец-то вижу перед собой ту самую тигрицу, взгляд которой сбил меня с ног в аэропорту. Она хочет меня и не скрывает этого.

Не выпуская ее из рук, делаю несколько шагов в комнату и ставлю ее на ноги возле постели.

Ее глаза превращаются в две бездонные черные дыры, пока взгляд скользит по торсу ниже, до ремня. Она сглатывает, а я перехватываю ее за подбородок, вынуждая посмотреть мне в глаза.

– Я предпочитаю жесткий секс, безымянная ты моя. Если будешь слушаться, все будет хорошо.

Толкаю ее легко в плечо, и она вытягивается на кровати. Черные глянцевые волосы блещут в полумраке, как разлитая нефть.

– Жесткий? – выдыхает. – Насколько жесткий?

– Увидишь.

Отодвинув черное кружево бюстгалтера, накрываю ртом сосок. Ласкаю языком до твердости, а потом кусаю.

Ее спина выгибается, а с губ срывается громкий стон. Чувствую ее пальцы в моих волосах, она перебирает их и тянет, и я принимаю это за ее разрешение продолжать.

Второй кусаю сильнее, стискиваю дольше, и когда отпускаю, легонько дую. Темно-вишневый сосок пульсирует под моим языком, а кожа на груди покрывается мурашками.

– Да... – стонет. – Еще.

Выкручиваю оба соска пальцами, и она рвано стонет, выгибаясь в пояснице.

Встаю на ноги возле кровати и беру за ремень.

– Дверь открыта. И сейчас это твой последний шанс, чтобы уйти. Если остаешься, то раздевайся. Лифчик можешь оставить.

Прикусив губу и снова зардевшись, стягивает с себя джинсы вместе с трусиками.

Смелая, хочет дойти до конца. Рад, что она из тех, кому понравилось бы лежать подо мной зажмурившись и ничего при этом не делать, с такой мне не по пути.

Освобождаю член, и при виде него ее глаза снова становятся по пять копеек. Веду по нему ладонью, а она, сглатывая, следит за движениями моих пальцев.

Похоть в ее глазах все-таки побеждает, сводя на нет и стыд, и скромность.

– Ляг на спину, так чтобы голова свешивалась с края кровати.

Даю ей устроиться, и останавливаюсь ровно над ее лицом. Ноги скрещены, грудь ходуном. Щеки снова бледные, а зубы стиснуты.

– Делала когда-нибудь глубокий минет?

Качает головой.

Ну хотя бы честная.

– Не бойся и дыши носом.

Провожу головкой по губам, и она смелеет, все-таки открывает рот и облизывает. Наклонившись, поглаживаю, а потом стискиваю ее соски пальцами, пока она несмело увлажняет член языком.

Упираюсь коленом возле ее головы и веду пальцами, по животу ниже.

Шире раздвигает ноги и наконец-то закрывает глаза, доверяясь происходящему. Она очень влажная, горячая и быстро заводится.

Ударяю бедрами и погружаюсь глубже, еще не в горло, но у девчонки и так моментально распахиваются глаза.

– Дыши носом, – напоминаю. – И не бойся. Тебе хорошо?

К одному пальцу присоединяю второй, и она кивает, расслабляется и отвечает движениям моей руки бедрами.

Даю ей перевести дух и только после вбиваюсь в горло так глубоко, как это сейчас возможно. Удовольствие прокатывается по нервам, а сердце на миг сбивается с ровного перестука.

Даю ей отдышаться и позволяю дальше просто облизывать член, пока сам удваиваю старания и снова толкаю ее за край.

Она стонет, с членом во рту, и эти вибрации так же приятны, как и легкие движения ее языка.

Мои пальцы легко погружаются в нее, а ее бедра уже блестят от влаги. Осторожно сгибаю пальцы. Девушку начинает потряхивать.

Беру ее собственную руку и показываю, как сжимать соски. Раз они у нее такие чувствительные, и ей это нравится, грех будет не умножить ощущения. А лежать, как кукла, со мной она не будет.

За мгновение до оргазма, когда ее бедра сами собой стискиваются, сильно сжимаю клитор указательными и средним пальцами, множа ее ощущения.

Она дрожит мелкой дрожью, напрягается словно струна, и тогда я тру ее клитор быстро-быстро. Так быстро, что было бы больно, не будь она такой влажной.

Ее рот широко распахивается в немом крике, глаза тоже.

Ее трясет от сильнейшего оргазма, помноженного разными ощущениями, а я перехватываю ее голову обеими руками, и, пока она кончает, ударяю бедрами, погружаясь глубоко в ее расслабленное горло, до ярких ослепляющих звездочек перед собственными глазами, до прострелов в позвоночнике.

Двигаюсь быстро, еще и еще, пока ее потряхивает в последних конвульсиях оргазма. После отстраняюсь, и она сгибается, заходится в кашле, размазывая собственную слюну по подбородку.

Отдышавшись, останавливает на мне свой ошалевший взгляд и шепчет:

– Как ты это сделал?...

Крепкая, если все еще может разговаривать.

То, что надо.

Достаю презерватив из бумажника и раскатываю латекс по всей длине влажного блестящего от ее слюны члена.

– Я только начал. Теперь вставай на колени, голову в кровать. Одну руку между своих ног.

Глава 3. Предложение

Она кончила еще дважды.

Гибкая, послушная, молодая. Отзывчивая и честная в своем ответном желании. Она так вовремя появилась на моем пути...

Раньше я считал, что вся эта романтическая чепуха, не для меня. Но воздержание, оказалось, еще хуже.

Вот почему в полумраке гостиничного номера, завороченно глядя, как тени подчеркивают ее красивую грудь, я произношу:

– Послушай, это было так хорошо, что я остался бы на второй заход, но сейчас мне, правда, нужно уйти.

Она моментально ежится и кутается в простыню, скрывая от меня загорелую кожу. Плохой знак.

Сейчас было самое подходящее время, чтобы все-таки познакомиться, обменяться номерами телефонов, но девица молча садится на кровати, сверля меня черными бездонными глазами.

Я не отпускаю ее так просто.

– Не хочешь называть своего имени – ладно. Но мне понравилось, и я знаю, что тебе тоже. Так почему бы нам не встретиться снова?

Буравит меня немигающим взглядом.

– Мне нужна женщина, которая будет любить секс также сильно, как я. Твой темперамент мне подходит. Но не думай, что я буду использовать тебя. Да, я больше не ищу отношений, не хожу на свидания и не готов знакомить тебя со своей семьей, но я также могу быть очень благодарным. Подарки, деньги – что угодно. Главное, чтобы наши встречи проходили там, где мне удобно, а ты не чесала языком о них направо и налево и не просила большего.

Застегиваю последнюю пуговицу, а она так и сидит, подтянув колени к подбородку.

– Вся эта романтика – чушь собачья. Цветы, конфеты и правило третьего свидания – пусть этого придерживаются безумные пацаны, которые еще ничего в жизни не добились. Я буду давать тебе то, что тебе нужно, и в долгу тоже не останусь. Понимаешь?

– Уходи.

Голос сухой и жесткий, как завывания ветра на кладбище. Совсем не тот, что был раньше.

– Ты сама была не против, – напоминаю ей. – И сейчас поздно строить из себя оскорбленную невинность. Подумай об этом, к тому же хорошие деньги лишними не будут. Оставить тебе мой номер? Или дашь свой?

Черные глаза метают молнии, губы стиснуты в прямую линию. Она отпускает простыню, в которую куталась, и та сползает, снова обнажая ее медное загорелое тело.

Девица подхватывает единственный снаряд, какой нашелся.

Не долетая, подушка плюхается у моих ног.

– Не знаю, в чем причина такого перепада настроения, но знаешь, с деньгами хороший врач точно помог бы их вылечить.

В этот раз увернуться не успеваю. Эта гостиничная подушка прилетает метким пушечным снарядом в живот, и по ощущениям она будто камнями набита.

– Убирайся! – шипит разъяренная голая амазонка.

Ничего другого не остается. Только уйти ни с чем.

Покидаю номер и нахожу свою машину на парковке. Руль мягко вибрирует под ладонями, а по капоту заворазивающе бежит белый свет фонарей, когда я снова выворачиваю на трассу.

Там же проверяю телефон. Юля не звонила, уже хорошо. Значит, Костя справился с заданием. И моей дочери сейчас не до меня. Можно хотя бы проветрить голову и поколесить по вечернему ноябрьскому Питеру. Небо хмурое, как и мое настроение.

Хотя грустить не о чем... Я оторвался. По полной. Как чувствовал, что второго раза не будет.

Почему же она все равно осталась недовольной? Сколько живу, а до сих пор не могу понять этих женщин!...

Может, надеялась на романтику? Ну за этим не ко мне. После неудачных отношений с Оксаной, Костиной матерью, я зарекся заводить отношения или надеяться на то, что у меня еще может быть своя собственная семья.

Оксана была одной из немногих, с кем я все-таки решил жить вместе. А таких женщин в моей жизни после смерти жены еще не было ни одной. Найти при этом такую, при виде которой мое сердце снова билось бы невпопад, мне и вовсе не удалось.

И все с Оксаной вроде было сносно... Не хорошо и не замечательно, но сносно. Хотя она и выносила мозг глупой ревностью, а поводов не было. Я не из тех, кто изменяет. Лишь, когда стало известно о беременности Юли, Оксана показала истинное лицо. Мне не по пути с женщиной, которая, не моргнув глазом, готова послать мою дочь на аборт.

Меж тем, пролетел уже год. Юля уже родила, с присутствием Кости в ее жизни и моей жизни я тоже свыкся... А вот другой женщины, даже для постоянных встреч, так и не нашел. Вот и дом в пригороде начал строить не для себя. Для Юлиного сына. Она, Костя и Егор – теперь моя единственная семья.

Как ни крути, а это был лучший мой секс за последние несколько месяцев. А я ее имени даже не знаю. И теперь не узнаю.

На приборной панели стрелка неумолимо ползет выше. Скорость приносит облегчение, но на въезде в город благоразумно сбрасываю обороты.

Пора возвращаться домой и быть примерным дедушкой, у которого не может быть своих желаний. Особенно таких низменных, как мои.

До дома добираюсь быстро. Только на повороте во двор машину подрезает такси, но я и не спешу. Черноглазая чертовка по-прежнему в моих мыслях. Ведь все было так хорошо, почему она так резко отказалась?

Вижу, как из такси наконец-то выходит девушка. Набросив рюкзак на плечо, идет к парадному входу.

Выпрямляюсь так резко, что руль впивается в ребра. Помешался, ей-богу.

Мерещится уже!

Или это она?...

Красный свитер под распахнутой курткой, синие джинсы и черные, блестящие даже в полумраке волосы.

Вашу мать, возле моего дома она что делает?! Как нашла?

Кое-как паркуюсь, выпрыгиваю из машины, но ее и след простыл. Перебегаю дорогу перед разворачивающимся такси, а она за это время угоняет лифт.

Вызвал второй, но время – упущено. Лифт с незнакомкой поднимается все выше и выше.

Бегу к лестницам, на ходу прикидывая, как она узнала адрес? Зачем приехала? Сумасшедшая какая-то! Как чувствовал, что не надо было с ней связываться!

Сердце готово выпрыгнуть из груди, но изматывающие тренировки в бассейне пошли на пользу. С такой скоростью я даже, когда был подростком, по лестницам не бегал. Повезло, влетел в лифт на десятом этаже, правда, соседей перепугал, которые из него как раз выходили.

Когда добрался до двадцать первого этажа, нахалка уже стояла возле моей двери.

– Ты что задумала, психованная?!

Снес ее и вжал в стену. Совсем как в отеле, только теперь она вылупила на меня черные глаза и уж точно не думала целовать первой.

– Убирайся отсюда, пока охрану комплекса не вызвал! Чтобы духу твоего возле моей квартиры больше не было! Еще раз увижу...

Всю ее браваду как рукой сняло. Она только хватала воздух ртом.

А потом дверь распахнулась, и на пороге возник Костя.

– Платон?

– Сам разберусь, Костя. Закрой дверь.

– А почему вы ее держите?

– Я сказал, дверь закрой!

– Вы бы отпустили девушку, Платон, пока Юля не видит...

Метнул взгляд на Костю, но тут из квартиры донесся радостный крик моей дочери:

– Лея приехала!

Я медленно перевел взгляд на девушку, которую сегодня учил глубокому минету. Колени превратились в желе. Пальцы разжались сами собой.

Я надеялся услышать озадаченный вопрос: «А где Лея и кто эта девушка?», но последние надежды разбились о суровую реальность. Юля вихрем пронеслась мимо застывшего на пороге Кости и повисла на шее у той, что не пожелала назвать мне свое имя.

– Лея-я-я-я-я!!

И она, не сводя с меня непроницаемых черных глаз, абсолютно бескровными губами прошептала:

– Привет Лю.

Юля потащила ее в дом, а Костя заинтересовано посмотрел на меня, все еще подпирающего стену в подъезде.

– Платон?...

– Молчи, – прервал я его. – Ради бога, только молчи.

И если Костю уговорить молчать удалось, как остановить поток обрушившихся на меня мыслей? Пристрелите меня.

Ведь я только что...

Трахнул лучшую подругу своей дочери.

Глава 4. Лея

Сюрприз, Платон Сергеевич. Как насчет еще одного урока по глубокому минету?

Ядовито-зеленый взгляд Платона сейчас мало похож на то малахитовое пламя, которым горели его глаза, когда он впивался зубами в мою шею.

Или когда, после всего, снова поставил меня перед собой на колени, чтобы кончить самому.

Бесстыдные воспоминания о том, как обнаженный Платон возвышался надо мной, обдают жаром, а щеки заливают румянцем.

– Дай обниму тебя еще раз, Юль, так рада тебя видеть! – Обнимаю подругу лишь бы спрятать горящее лицо и вернуть нормальный ритм сердцебиению.

Сейчас, как никогда раньше, пригождаются выдержка и самообладание, полученные во время службы в израильской армии.

Но, боже, же я испугалась той ярости, с которой Платон сбил меня с ног возле дверей квартиры!

Нет, я догадывалась, что он будет нервничать, когда узнает правду, но оказалась не готова к черной ненависти, с которой он взирает на меня сейчас, пока я обнимаю его дочь.

Какая-то часть моего сердца все еще упрямо твердит, что сейчас наваждение пройдет, и Платон отгадет и все-таки примет произошедшее. Ведь сегодня он сам меня выбрал в толпе, подошел ко мне первый и врать дочери и семье тоже начал первым.

Могла ли я представить, что в первый же день окажусь в постели с Платоном? Точно нет. Такого стремительного развития событий не было даже в моих самых смелых мечтах.

А ведь я вернулась в Россию как раз для того, чтобы поставить точку в своем романтическом наваждении. Окончательно решить – стоит ли надеяться на будущее, в котором я могу быть с ним?

Окей, думала я, может быть, Платон Дмитриев просто разыгрывает меня? Ведь не может быть правдой то, что он вот так собирается переспать со мной? Неужели все эти годы он, как и я, скрывал свои истинные чувства ко мне, а сейчас решил признаться?

Каждую секунду по дороге в отель я ждала, что Платон вот-вот «расколется».

Мы посмеемся и сделаем вид, что этой неловкой ситуации не было. Да, мне было бы обидно, но уж точно не так больно, как после того, как он предложил спать с ним за деньги.

Я все еще могла поставить точку в этом безумии, когда мы поднимались в номер. Если бы только Платон не смотрел на меня в лифте так, как никогда еще не смотрел. Столько лет я надеялась ощутить на себе его взгляд – заинтересованный, лукавый, беззастенчиво прямой! И вот он. Не в мечтах и не во сне, Платон смотрит на меня наяву.

Его оценивающий взгляд скользит по моим бедрам в отражении зеркала и замирает на приоткрытых губах. Ещё в лифте он представлял, что сделает со мной, как только мы окажемся в номере.

И только при виде огромной гостиничной кровати до меня дошло, что происходящее не розыгрыш и не шутка.

Платон привез меня сюда с одной-единственной и четко озвученной целью, и как раз он был предельно честен со мной.

В отличие от меня.

Вот тогда я и должна была поставить точку. Назвать свое имя, отказаться и убежать. Нельзя было действовать обманом. Теперь я это понимаю. Платон хоть и вспыльчивый, но быстро отходит, а вот ложь – он ненавидит всем сердцем.

Я честно собиралась с духом, чтобы назвать ему своё имя, но не удержалась и легко поцеловала его в щеку. Ведь после того, как Платон узнал бы, кто перед ним, вождение в его глаза мигом бы исчезло.

Но раньше, чем я успела сказать хоть слово, он поцеловал меня сам.

По-настоящему.

Так, как я всегда мечтала, чтобы он целовал меня.

Когда Платон коснулся моих губ, остальной мир, прошлый опыт и прежние ощущения – все стерлось, будто ластиком под натиском головокружительных чувств, от которых пальцы на ногах подогнулись, а сердце забилося о ребра.

Больше не было сомнений или желания убежать прочь. Я не могла своими же руками скомкать и выбросить ожившие мечты.

Он был моим и хотел меня.

Пусть и недолго.

Теперь пелена наваждения спала, и я понимаю, что совершила ошибку, обманув его, но и перекладывать целиком ответственность на себя одну не согласна!

Рядом со мной находится Юля, и я цепляюсь за нее, как за спасательный круг, пока Платон яростно сдирает с себя пальто под недоуменным взглядом Кости, на глазах которого меня чуть не спустили прямо с двадцать первого этажа.

Будет непросто объяснить, почему Платон вдруг пытался выбросить на улицу лучшую подругу своей дочери, которую та так долго ждала.

– Как же ты изменилась, Лея! – Юля с восхищением проводит рукой по моим коротким волосам. – Фотки даже близко не передают всех изменений в твоей внешности! Правда, пап? Ты бы Лею, наверное, и не узнал, если бы все-таки доехал до аэропорта!

Моя спина каменеет.

– Да как не узнать, – цедит Платон. Каждое его слово пропитано ядом. – К тому же Лея узнала бы меня. Ведь из нас двоих я уж точно изменился меньше всего.

– Неправда, – отмахивается Юля. – Когда мы были в Израиле на Леин день рождения, тебе было чуть за тридцать. А теперь-то тебе почти сорок, пап!

Юля не замечает, как остро ее отец реагирует на упоминание возраста, а ведь ему не так уж и много, как ей кажется.

– Лея, а это Костя, мой муж! Можешь себе представить? Я и вдруг замужем! – смеется Юля.

– До сих пор с трудом в это верю, – отвечаю честно. – Рада наконец-то познакомиться, Костя.

Интересно, как долго продержится этот ранний брак? Любит ли этот Костя мою Юльку по-настоящему или для него это просто увлечение, несмотря на общего ребенка?

Однажды этот парень взломал мой фэйсбук, чтобы обойти запреты Платона и по-прежнему общаться с Юлей, но на что он готов ради нее на самом деле?

Обещаю себе приглядеться к нему, а пока с улыбкой пожимаю протянутую руку.

С Костей я уже даже пару раз разговаривала в сети, но в жизни он оказался выше, а в плечах шире. Да и вживую он симпатичнее, чем на экране монитора. Темные волосы, светлые глаза и бледная кожа. На нем джинсы и худы, и выглядит он, как типичный подросток, но уже четыре месяца как они с Юлей стали родителями.

– Ого, – говорит он. – Крепкая рука. Приятно познакомиться, Лея.

– Я так рада, что вы наконец-то познакомились! И теперь вы оба здесь, со мной!... – Юля вся светится. – Ну что, Лея? Как все прошло? Тебе не было больно?

Глаза Платона едва не вываливаются из орбит, а я с трудом вспоминаю, что же сказала маме, когда, не веря в происходящее, вернулась к ней со словами, что должна срочно уехать.

После звонка Якова из приёмной «Скорой» она хотя бы перестала так сильно нервничать. Хотя травмы для брата дело привычное, одно дело, когда мы с мамой далеко, и совсем другое, когда в том же городе.

Сначала мама собиралась рвануть в больницу прямо с трапа самолета. Но Яков бодро поговорил с мамой и успокоил, и мама решила всё-таки дожидаться Платона, которому позволила Юля, а Юле звонил брат. И вот Платон согласился встретить нас, а я от такой новости на месте усидеть не могла. Выбежала ему навстречу, стоило его завидеть издали.

Только дальше события стали развиваться совсем не так, как я себе представляла.

Когда я вернулась за вещами, мама как раз говорила по телефону. Юля сказала ей, что у отца планы поменялись, и теперь за нами придет Костя.

Со словами, что кажется, российская земля совершенно не рада ее видеть, мама отпустила и меня. Звонок Юли был мне на руку, ведь я сказала маме, что ждать не могу совершенно и должна бежать.

Но что же я придумала?

Привычки врать и главное запоминать свою ложь у меня нет, и сейчас я выгляжу нелепо. Пауза затягивается, все, а особенно Платон, ждут моего ответа.

Но после всего, что было в номере отеля, события в аэропорту кажутся невероятно далекими.

Будто не два часа, а целую жизнь я провела в том номере, задыхаясь и извиваясь под его тяжелым жестким телом.

– Когда я приехал в аэропорт, – вдруг говорит Костя, – Сара Львовна сказала, что ты, Лея, умчалась к зубному.

Точно! Больной зуб!

Мама ненавидит зубную боль, и только этот довод мог смягчить ее сердце, чтобы отпустить меня восвояси сразу после приземления.

Мне претит врать лучшей подруге, но ей лучше не знать всей правды. Не хочу, чтобы Юля смотрела на меня с такой же смертельной обидой в глазах, как сейчас Платон.

Однажды я и так не смогла скрыть от Юли, что кем-то увлечена, но я так и не нашла в себе смелости сказать, что убиваюсь по ее отцу. Только сказала, что мы с ним вместе никогда не будем, и Юля все сделала за меня.

Сама предположила: «Неужели он женат, Лея?!»

Мне оставалось только согласиться.

Не могла же я сказать, что дело в том, что он на тринадцать лет меня старше, а еще, Юль, это твой отец, сюрприз!

Я не хочу терять Юлю.

А что касается Платона... Невозможно потерять то, что никогда тебе не принадлежало, так ведь?

– И как, вылечили тебе зуб, Лея? – возвращает меня к реальности Платон.

Не стоило ему говорить про деньги после секса.

– Ох, это было ужасно! – мстительно отвечаю ему. – Худшее событие в моей жизни. Надеюсь, забыть эти два часа как можно скорее! Все это время я просидела в кресле с широко раскрытым ртом! Стоило мне только сомкнуть челюсти, как доктор тут же кричал: «Откройте рот. Шире! Еще шире!»

Судя по потемневшему лицу Платона, жить мне осталось недолго.

– Извращенец какой-то! – ужаснулась Юля. – Наверное, воспользовался тем, что в его кресле оказалась такая красивая девушка!

– Юль, не держи Лею в прихожей, – напоминает Костя. – У нее и так был тяжелый день, а еще этот зубной...

– Да хватит уже о зубных, – шипит Платон.

Вид у него такой, будто ему вырвали все тридцать два зуба и без анестезии.
– Идем, Лея! Костю ты уже знаешь, моего папу тем более...
И теперь даже лучше, чем ты можешь себе представить, Юль.
– Но есть кое-кто еще, с кем я так давно мечтала тебя познакомить!

Я не была в квартире Дмитриевых целых шесть лет, пока жила в Израиле. И сейчас, когда Юля тянет меня вглубь квартиры, с ревнивым интересом изучаю цвет стен и расположение мебели. Будто проверяю, изменила ли обстановку Оксана, которая была какое-то время хозяйкой этого дома.

Но все осталось таким же, как я и запомнила. Ну почти.

С удивлением замечаю перекошенные дверцы кухонного гарнитура и потрепанные обои в столовой. Комнате не помешал бы косметический ремонт, а мебели – хороший мастер. Но все меркнет, когда я вижу овальный дубовый стол в центре комнаты.

Как и на все праздники, которые я помню, у Дмитриевых уже накрыт стол, а от ароматов еды рот наполняется слюной. Мне хочется и холодец, и «Оливье», и особенно бочковые красные помидоры, которые солила бабушка Юли и которые мне особенно запомнились.

– А кто-то нагулял себе аппетит! – замечает Юля, когда мой желудок издает голодный рык. – Сейчас быстро сядем за стол, мы тебя и так долго ждали, что все, наверное, уже остыло.

– А кто готовил? Так вкусно пахнет, – неожиданно для самой себя спрашиваю вслух.

Вдруг место Оксаны давно кем-то занято, просто Юля не успела рассказать мне об этом, и сейчас она хочет познакомить меня с очередной невестой Платона? А может, вся еда заказаны в кулинарии какого-нибудь маркета и на вкус окажется как картон?

– У нас Костя готовит, – отвечает Юля. – Бабушка говорит, что мы с папой на него молиться должны. Он готовит лучше нас вместе взятых! Мы с папой ему на кухне только мешаем. Кстати, бабушка для тебя помидоры передала.

Таких кулинарных талантов от парня-угонщика я точно не ожидала. Удивление даже перебивает радость от того, что с помидорами я не ошиблась. Они «те самые».

Но Юля тянет меня дальше, мимо кухни, по длинному коридору с чередой дверей.

– Так, тут папина спальня, – кивает она в сторону. – Специально выбрал комнату, как можно дальше от нашей с Костей.

Хорошо его понимаю. В глазах Платона Юля – все еще ребенок. Но в реальности она уже замужем и у нее есть свой ребенок. Мне сложно уложить это в голове, а каково Платону?

Бросаю взгляд на широкую кровать, застеленную темно-синим покрывалом. Хочется провести рукой по темному постельному белью, ощутить холод шелка, а после нарушить это гладкое великолепие и зарыться носом в его подушки. Проверить, пахнут ли они таким же сандаловым, древесным ароматом, как и сам Платон?

Но сейчас мы идём мимо.

В конце длинного коридора, как и раньше, зал для тренировок. Именно туда Юля меня и ведет.

Но, когда Юля распахивает дверь, мне сначала кажется, что мы ошиблись. Если раньше комната была практически пустой, и только в углу можно было найти мяч для фитнеса, коврик для йоги и другие спортивные принадлежности, и даже они были аккуратно сложены, то теперь тут ступить негде.

На полу валяются машинки всех видов и размеров. Какофонии из незатейливых детских песенок на телевизоре, вторит огромный плюшевый медведь, рассказывающий сказки. Огром-

ную часть ранее пустой комнаты занимает яркий детский комплекс с веревочной лестницей, горкой и качелями. Рядом стоят маленькие ворота с сеткой, гора клюшек и даже маленькие перчатки для бокса.

Комната совсем не похожа на зал для балетных тренировок. Я с трудом нахожу сам балетный станок, который сиротливо приютился возле зеркал.

Теперь комната скорее напоминает склад магазина игрушек. И это такой разительный контраст с тем, как важна была эта комната в прошлом для Юли, что я замираю прямо на пороге.

– А вот и мы! Спасибо, что посидели с ним, Сара Львовна!

Не сразу замечаю и собственную маму. Мы условились, что она навестит Якова, а после мы с ней встретимся у Дмитриевых.

Что ж, без меня мама явно не скучала.

Мама нехотя передает Юле пузатого карапуза, больше похожего на куклу. Идеальные розовые щеки, светлый пух на голове, а при виде Юли он так улыбается, что ангелы на небесах, должно быть, рыдают от умиления.

И пусть я настороженно отношусь к младенцам, но это самый прекрасный ребенок, которого я когда-либо видела.

– Познакомься, Егорка, это твоя тетя Лея!

Юля аккуратно передает мне малыша, а мои руки тут же становятся деревянными и непослушными.

– Лея, он не кусается, – бормочет моя мама. – Просто обними ребенка и поддерживай ему спинку, он еще плохо сидит.

– Сара Львовна, ему только четыре месяца, и мы ходим на массаж и плавание... – начинает Юля.

Ее тон и лицо разительно меняются. Это больше не та лучистая девчонка, которая налетела на меня в прихожей. Передо мной озабоченная взрослая женщина, и я впервые четко понимаю, как сильно изменилась моя маленькая подруга, хотя ей только девятнадцать.

Раньше Юля цеплялась за меня, как за маму, которой ей так не хватало. Ведь я была старшее нее, но теперь Юля сама стала мамой.

А я...

Умею разбирать автоматы и метко стреляю по движущимся мишеням. У меня полная неразбериха в личной жизни и, кажется, сегодня я совершила непоправимую ошибку.

Мне точно пора перестать витать в облаках, надеясь на несбыточные мечты о доме, детях и муже, у которого были бы такие же ярко-зеленые глаза, как у младенца на моих руках.

Мама с Юлей живо обсуждают прочие насущные проблемы из жизни младенцев, а я, на миг осмелев, прижимаю к себе светлую макушку Егора.

Делаю аккуратный и неглубокий вдох. Легкие наполняются неповторимым ароматом сгущенного сладкого молока, банана и детского печенья, которое Егор больше крошит в ладошке, чем ест.

Гомон музыки и разноцветный хаос перед глазами отступают на второй план. В зеркале во всю стену, у которого когда-то часами тренировалась Юля, я больше не вижу ни маму, ни Юлю, ни горы игрушек.

Только себя с младенцем на руках.

Сердце плавится, когда Егор останавливает на мне свои удивительно лучистые зеленые глазки.

Егор, конечно, похож на Костю, но и на Платона тоже.

Ведь Платон не настолько стар, чтобы думать, что ни детей, как и жены, у него больше никогда не будет.

Улыбаюсь Егору, который вместо печенья теперь тянет в рот мои волосы. И представляю, что также могла бы держать на руках собственного сына.

Платон на пороге комнаты появляется ровно в тот момент, когда я глубоко погружаюсь в свои мечты, позабыв о безрадостном настоящем. Его взгляд безошибочно останавливается на мне, а глазах горят только ненависть и злость, и это не тот теплый прием, на который я рассчитывала.

От неожиданности, словно он может прочесть мои мысли, в которых я качаю на руках наших с ним детей, чуть не роняю Егора. Это не моя вина, просто юркий малыш тоже замечает Платона. Он вытягивает к нему руки, подпрыгивая в моих объятиях всем телом, и поэтому едва не падает.

Как по волшебству, Юля оказывается рядом и подхватывает сына.

– Он такой вертлявый, Лея! Не переживай, все нормально, я держу.

Какое «не переживай»! Да я в ужасе, что в первую же встречу чуть не уронила ее ребенка на пол.

– Пора за стол, – сообщает Платон.

Юля, вместе с сыном на руках и продолжая разговор с моей мамой, направляется к двери.

Я иду последней, следом за мамой. Платон так и стоит в проходе, но мне ведь нечего опасаться? Не станет же он ничего при всех делать?

Выйти из комнаты не успеваю.

Дверь захлопывается прямо у меня перед носом.

Не теряя ни минуты, Платон находит пульт от телевизора и делает звук еще громче. Теперь, даже если я начну орать, из-за песенки про счастливых животных на синем тракторе меня никто не услышит.

Отступаю назад, а он, наоборот, идет прямо на меня.

Не сводит глаз, как будто я и правда могу куда-то деться из запертой комнаты.

Комната не бесконечная.

Спиной я упираюсь в стену, а под ногами жалобно вопит какая-то игрушка.

– И что это было, Лея? Может, расскажешь? А то я теряюсь в догадках.

Ему не нужно перекрикивать музыку. Он уже так близко, что я отлично слышу его разъяренный голос. Я бы отдала все на свете, чтобы услышать, как он шепчет мое имя в порыве страсти, или говорит, что жизни без меня не мыслит, но мечтам не суждено сбыться.

Платон вспыльчивый и ненавидит ложь. Я это знала.

Даже когда на тренировках требовалось выбраться из горящего здания, мой пульс и то был спокойнее, чем сейчас, когда Платон загоняет меня в угол.

Даже когда возле меня взорвалась граната, я и то испугалась меньше.

А ещё наполненная адреналином кровь расходится по телу, концентрируясь совсем не там, где нужно. Всему виной произошедшее в отеле и густой сандаловый аромат, исходящий от его кожи.

Мой взгляд падает на губы Платона, и как наяву я снова ощущаю его жесткий сминающий поцелуй.

– Язык проглотила?

Охаю, когда он неожиданно запускает пальцы в мои волосы, оттягивая их так, что я запрокидываю голову.

Он любит жестко, теперь я это знаю и вряд ли когда-нибудь забуду.

Платон нависает сверху. Вена на его шее пульсирует, а чуть ниже ворота рубашки замечаю засос, который сама же ему и поставила. Хочется снова заклеить его, оставив еще один засос рядом, но время вышло. Моим он так и не стал.

– Ты была куда разговорчивее, пока заливала моей дочери про зубного врача и вывихнутую челюсть.

Вопреки разливающемуся по венам страху, когда Платон тянет мои волосы еще сильнее, с моих губ срывается протяжный тихий стон.

Зрачки Платона расширяются. Его тело все еще отзывается на мои стоны, несмотря на то, что мозги уже считают иначе.

– Каждую чертову минуту, пока вертела передо мной задницей, ты знала, кто я такой. Так какого хрена ты сделала это, Лея?

Хватка на моих волосах становится болезненнее, и я делаю рваный вдох широко раскрытым ртом.

– Захотела и переспала, что тебя так удивляет? И челюсть у меня и правда болит. Ты ведь не церемонился, когда думал, что перед тобой какая-то безотказная девка, не так ли?

– Я был лучшего о тебе мнения.

– Когда именно? Пока трахал меня в рот?

– Когда не знал, какая ты на самом деле. Я бы не позволил своей дочери дружить со шлюхой.

От обиды воздух стораает в моих легких, а глаза начинает жечь.

– Мне хотя бы не нужно платить за секс, Платон. А тебе, видать, женщину иначе и не впечатлить, да? Только банковским счетом.

– Скажи еще, что тебе не понравилось, – рычит он.

– Знаешь, другие мужчины хотя бы интересовались и моим удовольствием тоже, а не только гнались за собственным. Все-таки твой возраст, Платон, дает о себе знать! Ты честно старался, пусть и недолго.

Бью по больному.

И мне ни капли не стыдно.

Потому что нечестно, что он так сильно злится на меня, как будто это я набросилась на него и увезла в отель, где дала волю своим темным фантазиям.

Это и его ответственность тоже. И если для Платона нормально спать с первой встречной, обходясь без имен, для меня – нет.

Но он может думать, что хочет. Доказывать ему обратное я не буду. Все равно не поверит.

– Если хоть слово скажешь моей дочери или намекнешь на то, что между нами было...

– Не волнуйся, – отрезаю. – Не стану я болтать о твоих пристрастиях направо и налево. И уж тем более не буду обсуждать это с Юлей. Ее чувства меня волнуют куда сильнее, чем твои.

Платон разжимает пальцы и отпускает меня.

После щелкает пальцами, и развеселая музыка в комнате моментально стихает. Вот бы так раньше.

Он уходит, и при виде его спины мой желудок наполняется едкой кислотой. Сейчас для меня абсолютно все кончено.

– Пап, все в порядке? – дверная ручка начинает плясать и дергаться.

– Замок заклинило, Юль, – громко отвечает Платон. – Я ж тебе говорил, что он барахлит!

Он тоже для виду дергает ручкой, потом беззвучно щелкает задвижкой, и дверь, как по волшебству, распаивается.

Платон уходит первым и не оборачиваясь, а я прошу у встревоженной Юли пару минут, чтобы сходить в туалет прежде, чем присоединюсь к ним в столовой, но сама не могу сдвинуться с места, когда остаюсь одна в опустевшей комнате.

Ноги меня не держат, и я сползаю на пол рядом с плюшевым медведем, закрыв лицо руками.

– «Хочешь, я расскажу тебе сказку?» – вдруг громко спрашивает медведь.

Похоже, за эти годы плюшевые медведи научились быть более полезными, чем тот мешок, набитый пыльным синтепоном, которого Платон когда-то подарил мне на восемнадцатилетие.

С тех пор плюшевые игрушки я ненавижу.

Пора идти ко всем остальным, хотя аппетит у меня и так изрядно испорчен.

Пнув медведя на прощание, направляюсь к выходу из комнаты.

– *«Отличный выбор!»* – летит мне в спину. – *«Расскажу тебе сказку о потерянном времени...»*.

Не в бровь, а в глаз чертов пылесборник.

Глава 5. Застолье

– Ты совсем не ешь, Платон, – замечает Сара Львовна, тарелка которой пустеет уже во второй раз за вечер. Сначала после холодных закусок, а теперь после горячих. – Разбаловали тебя, видать, разносолами. Костя, все приготовлено просто чудесно!

В моей тарелке кусок холодца давно превратился в лужу, в которой утонула курица-гриль. От зверского аппетита не осталось и следа.

Лея сидит ровно напротив меня, и я стараюсь смотреть, куда угодно, только не на нее. Но забыть о ней или игнорировать ее присутствие не удастся.

Ведь за столом только и разговаривают, что о поразительных изменениях в Леиной внешности. И каждый пункт, как новый гвоздь в крышку моего самообладания.

– Ну брекеты ладно, – говорит Юля. – Тебе их еще в прошлом году сняли, верно?

– Да, – кивает Лея. – У меня резцы никак не хотели выпрямляться, пришлось носить дольше обычного.

– Помнишь, Платон, как поздно у Леи зубы стали выпадать? – сама того не зная, добавляет масла в огонь Сара Львовна.

Боже мой, я ведь все еще помню, как она улыбалась беззубой улыбкой лет в десять.

И как улыбалась, задыхаясь перед оргазмом, тоже помню.

Как совместить эти две картинки и не сойти с ума?

Я ведь относился к ней как... к старшей Юлиной сестре. Не как к родной дочери, все-таки у Леи есть собственные отец и мать, но она в свое время так много времени проводила у нас дома, что казалось жила здесь больше, чем у Розенбергов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.